

ПОЛЕМИКА
DISPUTES

Шунейко А. А., Авдеенко И. А.
A. A. Shuneyko, I. A. Avdeenko

**МЕСТО ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ В СИСТЕМЕ СЛЕДСТВЕННЫХ,
ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ И СУДЕБНЫХ ДЕЙСТВИЙ**

**LINGUISTIC EXPERTISE IN THE SYSTEM OF INVESTIGATIVE, PROCEDURAL
AND JUDICIAL ACTIVITY**

Шунейко Александр Альфредович – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, г. Комсомольск-на-Амуре); 681013, Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27; 8-4217-52-98-18. E-mail: shuneyko@knastu.ru.

Mr. Alexander A. Shuneyko – Dr. of Philology, Associate Professor, Professor, Linguistics and Cross-cultural Communication Department, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 681013, Komsomolsk-on-Amur, 27 Lenin St.; +7 4217 529818. E-mail: shuneyko@knastu.ru.

Авдеенко Иван Анатольевич – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка и литературы Амурского гуманитарно-педагогического государственного университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681000, г. Комсомольск-на-Амуре, ул. Кирова 17. E-mail: iavdeenko@mail.ru

Mr. Ivan A. Avdeenko – PhD in Philosophy, Associate Professor, Department of Russian Language and Literature Studies, Amur Humanitarian and Education State University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 681000, Komsomolsk-on-Amur, 17, Kirov street. E-mail: iavdeenko@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается место лингвистической экспертизы в системе следственных, процессуальных и судебных действий. Анализ статей Уголовного и Гражданского кодексов Российской Федерации позволяет сделать вывод о том, что лингвистическая экспертиза может быть востребована при проведении следственных, процессуальных и судебных действий практически по любой из них. При этом выделяются такие статьи, применение которых наиболее активно связано с привлечением лингвистической экспертизы. Устанавливается, чем определяется доказательная сила заключения эксперта; характеризуется содержательный статус заключения и его связь с категориями субъективности и объективности.

Summary. The article deals with the linguistic expertise in the system of investigative, procedural and judicial activity. The analysis of the Criminal and Civil codes of the Russian Federation leads to the conclusion that linguistic expertise may be required during investigative, procedural and judicial activity. The authors point to the articles that are mostly associated with the linguistic expertise. The authors also single out what determines the probative value of expert opinion and characterize the content of the status and its relationship with the categories of subjectivity and objectivity.

Ключевые слова: лингвистическая экспертиза, следственные, процессуальные и судебные действия.

Key words: linguistic expertise, investigative, procedural and judicial activity.

Необходимость в осуществлении лингвистической экспертизы может возникнуть при проведении следственных действий и судебных разбирательств практически по любой из статей Уголовного и Гражданского кодексов Российской Федерации. Это связано с тем, что применение практически всех статей кодексов требует трех общих действий: идентификации лица по его речи, обнаружения наличия или отсутствия контактов между лицами, а также установления наличия или отсутствия характеристик, определенных коммуникативных форм, продуцируемых лицом. Например, даже такая, казалось бы, далекая от коммуникативных категорий статья, как ст. 345 УК РФ, предусматривающая уголовную ответственность за оставление погибающего военного корабля, в определении состава преступления не обходится без указания на коммуникативную специфику осуждаемого действия: «Оставление погибающего военного корабля командиром, не исполнившим до конца свои служебные обязанности, а равно лицом из состава команды корабля без

надлежащего на то распоряжения командира» (выделено авторами), то есть требует лингвистической экспертизы на предмет факта наличия или отсутствия соответствующего коммуникативного действия.

В большинстве статей уголовного кодекса отмечаютсяотягающие обстоятельства, такие как наличие предварительного сговора, использование служебного положения, организованность преступной группы, угроза применения насилия, шантажа. Все эти обстоятельства выражаются только или в том числе языковыми средствами в процессе коммуникации, они не могут не иметь речевого выражения, обнаруживающего их суть. Наличие или отсутствие этих обстоятельств доказуемо только при обнаружении определенных коммуникативных действий: договоренности, устойчивых контактов, коммуникативной иерархии, приказов, ссылок на предшествующие коммуникативные акты, обещания совершить деструктивные поступки и т.п. Дать квалифицированную аттестацию этим действиям может только профессиональный лингвист.

При этом из общего числа статей названных кодексов выделяются те, которые непосредственно и прямо связаны с коммуникацией. Только в Уголовном кодексе их 44: Ст. 128.1. Клевета. Ст. 163. Вымогательство. Ст. 159. Мошенничество. Ст. 205.2. Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма. Ст. 207. Заведомо ложное сообщение об акте терроризма. Ст. 212. Массовые беспорядки. Ст. 213. Хулиганство. Ст. 230. Склонение к потреблению наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов. Ст. 237. Соккрытие информации об обстоятельствах, создающих опасность для жизни или здоровья людей. Ст. 280. Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности. Ст. 280.1. Публичные призывы к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации. Ст. 282. Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства. Ст. 282.2. Организация деятельности экстремистской организации. Ст. 283.1. Незаконное получение сведений, составляющих государственную тайну. Ст. 205.2. Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма. Ст. 290. Получение взятки. Ст. 291. Дача взятки. Ст. 291.1. Посредничество во взяточничестве. Ст. 292. Служебный подлог. Ст. 296. Угроза или насильственные действия в связи с осуществлением правосудия или производством предварительного расследования. Ст. 297. Неуважение к суду. Ст. 302. Принуждение к даче показаний. Ст. 303. Фальсификация доказательств и результатов оперативно-розыскной деятельности. Ст. 304. Провокация взятки либо коммерческого подкупа. Ст. 306. Заведомо ложный донос. Ст. 307. Заведомо ложные показания, заключение эксперта, специалиста или неправильный перевод. Ст. 309. Подкуп или принуждение к даче показаний или уклонению от дачи показаний либо к неправильному переводу. Ст. 319. Оскорбление представителя власти. Ст. 321. Дезорганизация деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества. Ст. 330. Самоуправство. Ст. 333. Сопротивление начальнику или принуждение его к нарушению обязанностей военной службы. Ст. 335. Нарушение уставных правил взаимоотношений между военнослужащими при отсутствии между ними отношений подчиненности. Ст. 336. Оскорбление военнослужащего. Ст. 354. Публичные призывы к развязыванию агрессивной войны. Ст. 354.1. Реабилитация нацизма. Ст. 359. Наемничество. Ст. 110. Доведение до самоубийства. Ст. 119. Угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью. Ст. 120. Принуждение к изъятию органов или тканей человека для трансплантации. Ст. 133. Понуждение к действиям сексуального характера. Ст. 127.2. Использование рабского труда. Ст. 148. Нарушение права на свободу совести и вероисповеданий. Ст. 149. Воспрепятствование проведению собрания, митинга, демонстрации, шествия, пикетирования или участию в них. Ст. 162. Разбой.

При этом в практике назначения лингвистических судебных экспертиз из всего перечня актуализированы лишь некоторые статьи: 128.1, 205.2, 280, 280.1, 282, 205.2, 297, 319, 336, 119. Это проявляется в том, что чаще всего лишь по этим статьям назначаются лингвистические судебные экспертизы. Дисбаланс между составом статей, которые требуют привлечения лингвиста-эксперта, и практикой назначения экспертиз лишь по отдельным статьям создает порочную ситуацию, при которой выводы коммуникативного плана вынуждены делать дилетанты в области языка и ком-

муникации, что даже при их высокой юридической квалификации делает спорным любое определение, сомнительным – любой приговор.

Приложение 1 к приказу Минюста РФ от 27 декабря 2012 г. № 237 определяет три вида экспертиз, относящихся к компетенции лингвистов. К ним относятся: почерковедческая экспертиза (исследование почерка и подписей), автороведческая экспертиза (исследование письменной речи с целью установления авторства) и собственно лингвистическая экспертиза (исследование продуктов речевой деятельности). При этом в перечне экспертных специальностей, по которым предоставляется право самостоятельного производства судебных экспертиз в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России (Приложение 2 к тому же приказу), к ведению языковедов относятся уже шесть специальностей: 1.1 Исследование почерка и подписей; 2.1 Исследование письменной речи; 3.1 Исследование реквизитов документов; 3.2 Исследование материалов документов; 7.1 Исследование голоса и звучащей речи; 26.1 Исследование продуктов речевой деятельности.

Нельзя не заметить того, что данные документы содержат внутренние противоречия:

1. Исследование продуктов речевой деятельности (лингвистическая экспертиза), согласно Приложению 1 исключает исследование письменной речи с целью установления авторства, и относит последнее к сфере автороведческой экспертизы, в то время как по определению письменная речь является одним из продуктов речевой деятельности, а определение авторства может основываться только на языковедческих наблюдениях.

2. Исследование продуктов речевой деятельности (лингвистическая экспертиза), согласно Приложению 1 исключает исследование почерка и подписи и относит последнее к сфере почерковедческой экспертизы, в то время как по определению почерк и подпись являются продуктами речевой деятельности, а идентификация почерка и подписи может основываться только на лингвистических теориях и созданных на их базе программах.

3. Исследование письменной речи с целью установления авторства (автороведческая экспертиза) исключает исследование почерка и подписи, и относит последнее к сфере почерковедческой экспертизы, в то время как по определению почерк и подпись являются главными атрибутами авторства.

4. Виды экспертиз, названные в Приложении 1, количественно и содержательно не соотносятся с экспертными специальностями, названными в Приложении 2.

5. При наличии противоречивой, базирующейся на неизвестных науке основаниях и искусственной дифференциации языковедческих экспертиз, отсутствует существенная часть их видов (например, экспертиза уровня языковой компетентности, предполагающая исследование степени владения тем или иным языком). Это тем более странно в многонациональном государстве с большим количеством мигрантов, часть которых криминализована.

Оставляя в стороне рассуждения о причинах этих противоречий, подчеркнем, что лингвистическая экспертиза вне зависимости от формулировок предполагает исследование всех продуктов речевой деятельности, выраженных в устной или письменной форме, представленных на любом носителе, зафиксированных любым способом.

Статус лингвиста-эксперта (как и любого другого эксперта) определяется статьей 57 УПК РФ: «Эксперт – лицо, обладающее специальными знаниями и назначенное в порядке, установленном настоящим Кодексом, для производства судебной экспертизы и дачи заключения». Эта же статья определяет права и обязанности эксперта, а также регламентирует вызов эксперта, назначение и производство судебной экспертизы статьями 195 - 207, 269, 282 и 283 УПК РФ.

Доказательная сила заключения эксперта состоит в том, что оно приравнивается к косвенным доказательствам и в силу состязательности судебного процесса может существенно влиять на позицию лица или группы лиц, выносящих определения и вердикты. Как показывает практика авторов настоящей книги, добросовестно и обстоятельно произведенная лингвистическая экспертиза позволяет (помогает) суду принять объективное, обоснованное решение по гражданским и уголовным делам.

Доказательная сила заключения эксперта определяется несколькими факторами: 1) невовлеченностью лингвиста-эксперта в интересы сторон; 2) объективностью и беспристрастностью квалифицированного лингвиста-эксперта; 3) прозрачностью выводов, которая обеспечивается научной строгостью; 4) отсутствием внутренних противоречий; 5) однозначностью позиции эксперта и четкостью ее формулировки; 6) аргументированностью анализа фактического материала; 7) полнотой и последовательностью освещения процесса проведения и результатов исследования. Все эти характеристики выступают в комплексе и могут служить идентификатором качества экспертизы. Отсутствие какого-либо из перечисленных признаков может стать основанием для назначения повторной или дополнительной экспертизы.

Отдельная проблема – соотношение в лингвистической экспертизе различных специальных знаний: юридических и лингвистических. Можно с уверенностью констатировать, что лингвисту-эксперту нужны исключительно и только знания в области теории конкретного языка, теории коммуникации и практики лингвистического анализа. Только они позволяют разобраться в выносимых на рассмотрение эксперта коммуникативных явлениях. В этом отношении странной и неоправданной представляется практика привлечения к производству лингвистических экспертиз бакалавров лингвистической экспертизы, не имеющих серьезной лингвистической подготовки, хотя и владеющих знаниями и умениями в техническом аспекте их производства.

Лингвистическая экспертиза – это всегда самостоятельное научное исследование определенного текста, а не сверка его со словарями, методическими пособиями и т.д., ее проведение – не установление соответствия уже имеющемуся образцу (прецеденту), а обнаружение определенных характеристик единиц с помощью различных лингвистических методов. Она всегда имеет дело с уникальными текстами, требующими специализированного подхода. Например, расхожее выражение «Ты козел!» на поверку оказывается нетождественным самому себе в различных контекстах, выражение «Сейчас я сфотографирую это животное» в одном случае нейтральным, а в другом – уголовно наказуемым.

Заинтересованный в адекватной оценке обстоятельств дела, а не в его формальном завершении функционер обращается с лингвистической экспертизой именно к специалисту в необходимой ему области. Если учитывать, что язык чрезвычайно сложное явление, найти универсального специалиста сложно. Но такие специалисты есть.

В определении места лингвистической экспертизы в системе процессуальных и судебных действий следует особо отметить категории субъективности и объективности, которые являются предметом спекуляций для многих экспертов и авторов работ по этому поводу. Функционер ждет от лингвиста-эксперта объективных выводов относительно признаков некоторого объективного коммуникативного события, поскольку ориентирован на них. Лингвист-эксперт ориентирован на текстовую реальность, которая к категориям объективности и субъективности может иметь отношение или не иметь, но в любом случае его выводы касаются именно текстовой реальности, а не ее взаимодействия с категориями объективности и субъективности. Последнее в конечном счете устанавливает суд.